

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

С. Г. Петров
Великие Луки

Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и местная пресса после выборов в I Государственную Думу (май — август 1906 г.)

В начале XX в. Псковщина представляла собой типично аграрный регион, где 92 % жителей (1 043 000 человек) проживали в сельской местности¹, а доля промышленности в экономике была ничтожно мала (всего предприятий к началу 1900-х гг. было зарегистрировано 118, где трудилось 5 575 человек, исключая рабочих железнодорожных станций)².

Правительство и местные власти до 1905 г. считали губернию спокойной, не подверженной революционному брожению³. Первая русская революция 1905–1907 гг. «подняла градус» общественно-политической жизни края: начались аграрные выступления, возникли местные организации «Союза 17 октября», конституционно-демократической партии, эсеров и Всероссийского крестьянского союза, появилась легальная оппозиционная пресса⁴.

На выборах в I Государственную думу на Псковщине победили граф П. А. Гейден — «левый октябрист» и трое крестьян: К. И. Игнатьев и Т. И. Трофимов — правые, а Ф. М. Максимов — трудовик⁵.

Междумье — период от начала работы I Государственной думы до начала выборов во вторую — на наш взгляд, поможет лучше представить специфику общественно-политической жизни Псковской губернии перед началом новой избирательной кампании. Давайте посмотрим, как откликнулись — через свои издания — на открытие I Думы общественные силы губернии.

Публикации «Псковских епархиальных ведомостей» стали заметно благонамереннее, выдержанными в соответствии с официальным курсом. Например, в день открытия Государственной Думы в речи ректора Псковской духовной семинарии отца Николая говорится: «...Государь Император, как отец, теперь входит в непосредственное общение с народом через его представителей». И далее: «нужно просить у Господа Бога помощи и благословения к объединению деятельности народных представителей, чтобы они преследовали не интересы своих партий, а благо народа, чтобы успокоили отечество наше, внесли бы в него мир и благоденствие»⁶.

В статье «Ближайшие задачи» (без подписи) отмечается: «Жизнь кипит ключом. В ее котле вываривается новый государственно-социальный строй России», духовенство участвовало в выборах Государственной Думы, чтобы помочь проведению реформ (в которых должно найти сочетание духовного и земного). А в самой Думе церковь сражается и против социалистов, и против правых — и работает на дело обновления страны»⁷.

Октябристская «Псковская газета» утверждала: «Уважение к прерогативам Монарха и осуществление тех прав Думы, которые заключаются не в писанных законах, а вытекают из самого существа идеи народного представительства, —

это те главные заповеди, которыми и должна руководиться серьезная деловая Дума»⁸.

Кадетский «Псковский голос», помещая приветственную телеграмму Великолукской городской думы (28 апреля 1906 г.) на имя председателя I Государственной Думы, фактически солидаризовался с ее содержанием: «Великолукская городская Дума шлет приветствие избранникам русского народа и выражает уверенность, что Государственная Дума, в лице лучших людей земли, водворит свободу и законность в нашей родине, безмерно истрадавшей от многовекового произвола.

Да благословит Бог работу народных представителей и да будут они уверены, что к их голосу чутко прислушивается русский народ, готовый беззаветно поддерживать их в тяжелой борьбе за свободу и счастье дорогой родины»⁹.

Скептически высказалась в отношении Думы социал-демократическая «Пчела» в своем первом номере (статья «Накануне Думы»):

«Завтра собирается Государственная Дума. Выборы в эту Думу происходили при такой обстановке, при какой не происходили почти нигде в иностранных государствах. Почти вся Россия была объявлена на исключительном положении, целые губернии подвергались опустошительным набегам казачьих и солдатских отрядов: повсюду царило безграничное своеволие полицейских чиновников, газеты закрывались, собрания разгонялись, выборщики арестовывались и ссылались. Самое участие в выборах, казалось многим делом опасным. Но выборы все-таки шли, и число участников в них достигало значительной величины. Это обстоятельство ясно показывает, что в широких народных массах живет глубокая вера в Думу, что эти массы ждут от Думы облегчения своего бедственного положения; крестьяне ждут земли, рабочие ждут 8-ми часового рабочего дня; и те, и другие ждут политической свободы. Посмотрим же, насколько собирающаяся Дума может оправдать возложенные на нее надежды?».

Задавая вопрос, направленный в будущее, «Пчела» сама тут же дает ответ: едва ли, ибо налицо бесправие избранной Думы, которая не может принять ни одного настоящего закона.

«Чтобы не быть в таком беспомощном положении, чтобы стать действительной защитницей народных нужд, Дума должна избираться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, должна иметь право самостоятельно решать все без исключения законы и требовать отчета и повиновения от всех властей в государстве. И такая Дума неизбежно должна стать на место нынешней, и она только сможет обеспечить мирное и успешное развитие России»¹⁰.

Псковская деревня встретила начало работы I Думы принятием приговоров депутатам. Так, крестьяне Сидоровской волости Псковского уезда и Гусаковской волости Островского уезда в своем наказе депутатам Думы требуют земли¹¹. Об этом же говорится в приговоре крестьян Качановской волости Островского уезда в Трудовую группу I Государственной думы. Приводим текст данного приговора: «Мы, крестьяне Качановской волости, Островского уезда, Псковской губернии, собравшись в количестве 130 человек и обсудив тяжелое наше положение, решили, что все зло происходит от нашей темноты и бесправного положения и малоземелья, что безвластная Государственная Дума, к тому же состоящая на половину из наших врагов — помещиков и капиталистов, мало может помочь в нашей борьбе за землю и волю. Только Трудовая группа является в Думе истинной

выразительницей нужд народа и только она идет по правильному пути в борьбе за народное освобождение. Поэтому мы выражаем нашу благодарность Трудовой группе и просим ее и впредь также бороться неотступно за отчуждение всех кабинетских, казенных, удельных, церковных и монастырских земель, а также принудительное отчуждение всех частновладельческих земель без выкупа для передачи их крестьянским комитетам в полное их распоряжение. Просим также Трудовую группу добиваться необходимых нам свобод. Мы, со своей стороны, готовы всеми мерами поддержать Трудовую группу по первому ее заявлению. Осуществить все перечисленные требования может только полномочное Учредительное Собрание. 130 подписей»¹².

Впрочем, крестьяне принимали и приговоры против консервативных речей псковских депутатов в Думе (графа П. А. Гейдена), как сделали на своем сходе жители Логазовской волости Псковского уезда¹³.

Разворачивалась порой и критика псковских депутатов-крестьян по совсем другому поводу: почему они приняли подачку властей и живут в «ерогинском общежитии»¹⁴. В той же «Пчеле» было напечатано «Письмо к псковским депутатам», смысл которого: «Ваш народ изголодался! Дайте ему земли и хлеба!»¹⁵.

И по-прежнему продолжалась межпартийная борьба. Октябристская «Псковская газета» критиковала левых и особенно кадетов, выдвигая в качестве примера настоящего и ответственного политика графа П. А. Гейдена¹⁶. А председатель Псковской губернской земской управы С. И. Зубчанинов (октябрист) попытался устроить «чистку» среди земских служащих — сторонников кадетской партии (редактор «Псковского голоса» Д. Д. Поддубский был уволен из статистического отделения губернского земства)¹⁷.

Вела критику кадетов и социал-демократическая «Пчела». Так, в статье «О кадетях» (10 мая 1906 г.) газета негодовала: «И теперь кадеты пишут, просят, ходят... И это в то время, когда другие умирают», при этом делался вывод: «Надеяться на самих себя»¹⁸.

А 31 мая 1906 г. «Пчела» писала о программе кадетов:

«Свою программу и тактику они поневоле всегда приспособливают к уже достигнутой ступени требований народа; чтобы не остаться за флагом, им приходится, вприпрыжку и упираясь, бежать за быстро движущейся колесницей российской революции. Это они кричали несколько месяцев назад против всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, против равноправия женщин, против идеи Учредительного собрания, выставленных социал-демократией. Но это они же после октябрьских дней, после всероссийских расстрелов пролетариата и крестьянства, после заполнения всех участков и тюрем России пролетариатом и крестьянством и революционной интеллигенцией, после закрытия всех социал-демократических газет очутились на избирательных платформах, восприняв многие из лозунгов революции, клянясь осуществить “народную свободу”. Карлики надели доспехи великанов. Милюковы, Ковалевские и Родичевы спешно скроили и сшили свою конституционно-демократическую программу. Расстреливаемый пролетариат отказался идти к избирательным урнам. В депутаты проходили все, кто клялся хотя бы обрывками социал-демократических лозунгов. Это были кадеты»¹⁹.

Между прочим, проснувшиеся и осознанные интересы крестьян требовали коллективного обсуждения дел и планомерного организованного действия. Поэ-

тому крестьяне предпринимали попытки устройства сходок-собраний, где можно было сообща принять необходимые решения. Со своей стороны правительство, желая в корне подавить нарождающееся движение, всеми силами старалось не допускать подобных общественных мероприятий.

Студент Михаил Волотовский подал на имя псковского исправника заявление: «В воскресенье, 25 сего июня, в 5 часов вечера близ ст. Черской С.-Петербургско-Варшавской ж.д., у мельницы, назначается собрание крестьян окрестных деревень с участием члена Государственной Думы. Предметы, подлежащие обсуждению собрания, следующие:

- 1) Деятельность Государственной Думы со дня ее открытия до 25 июня.
- 2) Деятельность Государственной Думы в ближайшем будущем».

На заявление это псковским губернатором было объявлено воспрещение собрания, а полицмейстеру дано поручение — немедленно выехать на ст. Черскую для недопущения собрания, с извещением, что в его распоряжении с поездом прибудет рота солдат (24 июня 1906 г., № 1268)²⁰.

Впрочем, такие сходки («маевки») проходили нелегально, без разрешения властей. Подобную «маевку» провели «молодые народники» в лесу около Пскова²¹.

Однако в обстановке политической нестабильности в среде политиков умеренного толка родилась идея о возможности и необходимости встреч и консультаций всех политических сил Псковщины. По инициативе губернского предводителя дворянства В. В. Философова, в Пскове возник внепартийный политический клуб. В основном в его состав вошли октябристы и их сторонники: В. В. Философов, Н. А. Томилин, С. И. Зубчанинов, А. Н. Брянчанинов, отколовшийся от кадетов Л. Б. Крейтер. Но были там представители и других партий: от кадетов — В. А. Садовень, от социал-демократов — А. А. Фотиев, от Крестьянского Союза — А. А. Николаев, от правых — М. М. Карамышев²², что, разумеется, никак не ослабило остроту взаимной межпартийной критики²³.

И, конечно, политические силы губернии ощущали «момент истины» — ожидаемый роспуск Думы. Даже октябристская «Псковская газета» писала: «Государственная Дума в опасности. Ее собираются распустить. Ее желают разогнать <...>. Это принесет Отечеству много, много горя»²⁴.

Как же отреагировали печатные органы различных партий на роспуск первого российского парламента? Пожалуй, только консервативный «Псковский городской листок» откликнулся на это событие с радостью: «Все истинные патриоты... осознали малоплодие государственной устроительной работы Думы»²⁵. Остальные же, в той или иной степени, были настроены критически.

Даже «Псковские епархиальные ведомости» признали: «Государственная Дума закрыта. Начатое ею, с благословения Божия, великое дело переустройства России приостановилось»²⁶. И тут же следовало горькое признание:

«Скоро надеждам народа суждено было осуществиться: подданные были приглашены Государем разделить с ним бремя управления государством. Тогда и духовенство решило принять участие в общественно-политической жизни страны.

Но первые шаги его в этом направлении были неудачны. Когда в стране началась предвыборная агитация и разные партии занялись междоусобицей, духовные руководители народа оказались (за немногими исключениями) не на высоте своего положения: они не обнаружили желания помочь своим пасомым (из простого народа) разобраться в созданном Манифесте 17-го октября новом

положении вещей, и сами в большинстве впали в односторонне консервативную партийность. Многие пастыри, вместо сочувствия открывавшемуся для России мирному пути к прогрессу через введение конституции, неразумно громили (некоторые даже с церковной кафедры) все освободительное движение, не различая в нем случайных крайностей и единичных увлечений и окрепя всех прогрессистов мысли “социалистами” и “революционерами”. Следствием такого неразборчивого отношения к переживаемому родиною историческому моменту было то, что все сознательные пасомые отвернулись от своих пастырей и, считая их не на стороне народа, выбирали в представительное учреждение людей или из своей среды, или из светской интеллигенции. <...>

Теперь же приходится признаться, что духовные лица потеряли в глазах народа авторитет жизненных руководителей и защитников прав народа: паства не делится с ними своими задушевыми интересами и не обращается за разрешением всяких недоумений, как это имело место раньше. <...>

Что же будет дальше? Ужели духовенство с легким сердцем передаст по праву принадлежащую ему руководственную роль над народом иным вождям, пришедшим со стороны, и само останется лишь в качестве чиновников-требоисправителей, благо — правительство пока платит ему жалование, и даже выдает пенсии? Но что если в одно прекрасное время русские храмы могут оказаться пустыми и в церковной ограде будут иметь место лишь представители клира? Да, это может случиться... И от характера деятельности пастырей будет зависеть: останутся ли пасомые под влиянием христианства и Церкви или успех будет за социализмом»²⁷.

Кадетский «Псковский голос» оценил роспуск Думы так: «Развившееся сознание народа репрессиями не остановить»²⁸.

Радикальнее всех выступила социал-демократическая «Пчела». На своих страницах она обратилась фактически с воззванием к народу: «Русские граждане! Со вчерашнего дня Государственной Думы не стало и вам остается одно — забрать дело своего спасения в свои собственные руки»²⁹.

А 30 июля 1906 г. «Пчела» поместила статью «О Думе», в которой содержался призыв к всероссийской забастовке с целью созыва всенародного учредительного собрания. В публикации же «Крестьяне и правительство» крестьянским и рабочим советам прямо предлагалось объединиться, чтобы провести всеобщую забастовку. Газета подчеркивала: «Товарищи солдаты... судьба Родины в ваших руках»³⁰. После таких материалов издание закрыли, а «Псковский голос» отметил, что «выпуск 13-го номера “Пчелы” вызвал большое смятение у местной администрации»³¹.

В создавшейся ситуации местные правительственные издания начали разговор о «пене» политической борьбы — нарушениях правопорядка, разгуле преступности. Так, в статье «Надвигающаяся опасность» («Псковские епархиальные ведомости») анонимный автор сетует: «Отовсюду несутся вести о грабежах, убийствах, поджогах, и других диких проявлениях человеческой злобы и ненависти. <...>. Различные политические партии, стремясь вовлечь крестьянскую массу в политическую борьбу, много сделали для ее пробуждения от долговечного сна, но они же зажгли в деревне социальный пожар. Программы и обещания крайних левых партий бьют в одну точку — во что бы то ни стало вызвать неудовлетворенность своим положением, разжечь зависть к людям...».

И резюмирует, что: «Нельзя падение народной религиозности допускать до опасных моментов...»³².

А «Псковский городской листок» сообщал об убийстве помощника великолукского городского пристава Благовещенского и о покушении на пристава Кузьмина³³ (кстати, ученик Великолукского реального училища Г. Огуз, который 19 октября 1905 г. на демонстрации стрелял в местного исправника Попова, был приговорен к одному году тюрьмы. Сенат в апреле 1906 г. подтвердил приговор)³⁴. Там же были помещены сведения о том, что крестьяне села Преображенского Мелеховской волости (Псковский уезд) подожгли помещичий сарай с сеном и скотный двор³⁵, а в деревне Курова Гора Максимовской волости (Великолукский уезд) произошло столкновение крестьян с полицией 23 октября 1906 г. из-за отказа платить подати. В результате столкновения один крестьянин был убит, а трое ранены³⁶.

Призыв псковских кадетов 18 июля 1906 г., думается, был услышан частью населения, но не партиями: «...Теперь не место партийным раздорам, когда освободительному движению, хотя бы и временно, угрожает опасность <...>. Теперь необходимо для полной победы над самодержавной бюрократией бороться только с последней.

Центром настоящей борьбы должно быть: воля и земля народу. <...>. Всеобщего, прямого, тайного и равного голосования на выборах в Государственную Думу. Ответственности министров перед народным представительством.

Принудительного отчуждения частновладельческих земель»³⁷.

Местные партийные организации, как, впрочем, и сами кадеты, начинали «смотреть сил» перед очередными грядущими выборами.

23 августа 1906 г. «Псковский городской листок» помещает «Воззвание Союза 17 октября», в котором указывается населению «путь мирной борьбы, законными средствами за торжество свободы и разумного порядка»³⁸ и в других номерах пропагандирует идеи октябристов³⁹. А вот у «Псковской газеты» произошла «смена всех»: она начинает пропагандировать идеи «партии мирного обновления»⁴⁰ и ее лидера — графа П. А. Гейдена. Здесь был помещен адрес граждан Опочки и Опочецкого уезда последнему. В частности в нем говорилось: «Вы (граф П. А. Гейден. — С. П.) явились истинным нашим представителем и в полной мере оправдали наши ожидания»⁴¹.

Снова губернский центр и уездные города начали активно снабжаться экземплярами центральных партийных газет: кадетов — «Речи» и «Реформы», черносотенцев — «России» («Псковский голос» сетовал, что член общества «Царь и свободы» А. И. Чернов наводнил последней Псков)⁴².

Снова кадеты пикируются с октябристами: «И мы смело можем сказать, что бюрократия также залила бы кровью русскую землю, если бы ее единственным выступившим активно врагом явилась та партия, во главе которой стоит, по существу своему, консерватор граф Гейден. Уже и теперь появились вестники сознательного отношения нашего крестьянства к бюрократии — отказы от участия в землеустроительных комиссиях. Мы можем с удовольствием отметить, что и наша Псковская губерния не отстает в этом отношении от других»⁴³. В Печорской волости 22 июля 1906 г. крестьянский сход высказался против землеустроительной комиссии и начинавшейся столыпинской реформы⁴⁴. Наступала пора предвыборной кампании во II Государственную думу.

Выборщики Псковского губернского избирательного собрания, которые определяли кого послать во II Государственную думу, значительно повелели. Депутатами стали лица, являющиеся членами или сочувствующие партии кадетов: Н. Н. Рокотов — председатель Новоржевской уездной земской управы и трое крестьян: Е. Г. Герасимов, В. Г. Федоров (Федулов), П. Н. Никитин⁴⁵.

Примечания

- 1 Памятная книжка Псковской губернии на 1905 и 1906 год. Псков, 1905. С. 1.
- 2 Статистический обзор Псковской губернии за 1906 год. Псков, 1907. С. 23–24.
- 3 Псковский край в истории России. / 2-е изд., испр. и доп. Псков, 2000. С. 146.
- 4 *Петров С. Г.* Общественно-политическая жизнь Псковской губернии и выборы в I Государственную думу. Автореферат канд. дис. СПб., 2005. С. 18–19.
- 5 *Петров С. Г.* Выборы депутатов в I Государственную Думу в Псковской губернии. СПб., 2005. С. 9.
- 6 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 10. (неофициальная часть). 16–31 мая. С. 246, 248.
- 7 Там же. 1906. № 11. 1–15 июня. С. 266.
- 8 Псковская газета. 1906. 29 апреля. С. 1.
- 9 Псковский голос. 1906. 30 апреля. С. 1.
- 10 Пчела. 1906. 26 апреля. С. 1.
- 11 Там же. 31 мая. С. 2; *Ольгович. [Волькенштейн О. А.]* Что сказала деревня I Государственной Думе. СПб., 1906. С. 9–10.
- 12 Крестьянский депутат. 1906. 30 июня. С. 3.
- 13 *Брамсон Л. М.* К истории трудовой партии. Трудовая группа I Государственной Думы. 2-е изд. Пг., 1917. С. 71.
- 14 Пчела. 1906. 8 июня. С. 2.
- 15 Там же. 24 мая. С. 1.
- 16 Псковская газета. 1906. 2 апреля; 8 апреля; 12 апреля; 15 апреля (особенно статья «Наши левые противники», на стр. 2).
- 17 Псковский голос. 1906. 4 июля. С. 1.
- 18 Пчела. 1906. 10 мая. С. 2.
- 19 Там же. 31 мая. С. 2.
- 20 Известия Псковского губкома РКП. 1925. № 10. С. 37.
- 21 Псковский голос. 1906. 11 мая. С. 1.
- 22 Псковская газета. 1906. 10 мая. С. 4; Псковский голос. 1906. 14 мая. С. 3.
- 23 См. например: Псковская газета. 1906. 13 мая.
- 24 Псковская газета. 1906. 7 июня. С. 1.
- 25 Псковский городской листок. 1906. 16 июля. С. 1.
- 26 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 13–14. 1–31 июля. С. 315.
- 27 Там же. С. 317–319.
- 28 Псковский голос. 1906. 11 июля. С. 1.
- 29 Пчела. 1906. № 12.
- 30 Там же. 30 июля. С. 1.
- 31 Псковский голос. 1906. 17 августа.
- 32 Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 17. 1–15 сентября. С. 401–402.
- 33 Псковский городской листок. 1906. № 32. С. 4.
- 34 Псковский голос. 1906. 7 мая. С. 3.
- 35 Псковский городской листок. 1906. № 59.
- 36 Там же. 29 октября. С. 3.
- 37 Псковский голос. 1906. 18 июля. С. 1.
- 38 Псковский городской листок. 1906. 23 августа. С. 2.
- 39 Там же. 12 ноября.
- 40 Псковская газета. 1906. 21 июня. С. 1.
- 41 Там же. 28 июня. С. 3.
- 42 Псковский голос. 1906. 11 июля. С. 3.
- 43 Там же. 28 июля. С. 1.

- 44 Вестник партии народной свободы. 1906. № 23–24. 17 августа. С. 1374.
- 45 См.: Члены Государственной Думы / Сост. М. М. Бойович. 2-е изд. М., 1907. С. 271–274. (В данном издании Н. Н. Рокотов, Е. Г. Герасимов и П. Н. Никитин названы членами конституционно-демократической партии, а В. Г. Федоров (Федулов) — правым). Полагаем, что это неверно: в анкете, заполненной самим депутатом, зафиксировано: «сочувствующий партии народной свободы» (См.: Дело члена Государственной Думы от Псковской губернии В. Г. Федорова (Федулова) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 455. Л. 5)

Н. В. Суржикова
Екатеринбург

Коллизии уральского плена в зеркале региональной печати (1914–1917 гг.)

По обыкновению, историки, как только что оставившие университетскую скамью, так и имеющие солидный исследовательский стаж, склонны недооценивать потенциальные возможности периодической печати, предпочитая этому виду источников архивные документы нормативного, делопроизводственного, статистического и тому подобного характера. Редкое исключение составляют случаи, когда продукция регулярной издательской деятельности избирается в качестве самостоятельного объекта изучения.

Отчасти закономерно пренебрежение и недоверие исследователей к периодике советского времени, специфика которой определялась известной спецификой советской власти и стратегиями властных отношений, реализуемых в социуме. Пресса же дореволюционной России начала XX в. была принципиально иной, поскольку не предполагала абсолютной монополии государства в сфере информации¹.

Основанное на принципах вторичности и дополнительности отношение к материалам периодической печати начала XX в. оставляет, безусловно, слишком мало места для ее подлинно научного использования. Проблема, как представляется, состоит не только в актуализации того фактологического капитала, который аккумулируют в себе старые газеты и журналы. К началу XX в., когда печать уже превращается из элитарного элемента жизни в массовый, а, следовательно, сеть ее агентов и адресатов расширяется, присущая периодике способность одновременно и проецировать (отражать), и реконструировать (задавать или изменять) духовные и предметные грани общественных отношений превращает ее в важнейший пространственно-временной ориентир — в настоящем для современника и в прошлом — для историка.

К удивлению тех, кто свято верует не только в достоверность, но, главное, в достаточность хранимых в архивных запасниках документов, периодическая печать, парадоксально сочетая в себе одинаковую возможность к управляемости и управлению, часто оказывается информативнее и, что существенно, вариативнее в освещении тех или иных событий. Природа этой вариативности неоднозначна. В борьбе за как можно более широкую аудиторию пресса, во-первых, обнаруживает свойственную только ей изобретательность в сюжетах, почвой для кото-